

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

№ 2 (7) 2019

ISSN 2619-1490

Научное издание

Выходит 2 раза в год

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук» (УдмФИЦ УрО РАН).

Издатель – Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН.

Журнал представлен в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), в научных электронных библиотеках elibrary.ru и «Киберленинка», Академии Google (scholar.google.ru), имеет импакт-фактор РИНЦ. Свидетельство о регистрации в Национальном центре ISSN и присвоении Международного стандартного номера сериального издания от 05.10.2018 г.

В издании публикуются оригинальные работы по истории, этнологии, археологии, языкознанию, литературоведению, культурологии, посвященные этноисторическим и этнокультурным процессам в Урало-Поволжском регионе, а также народам и регионам, связанным с указанной территорией. Редакционная коллегия приветствует работы междисциплинарного и сравнительного характера.

При перепечатке ссылка на издание «Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья» обязательна.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редколлегии. Публикуется в авторской редакции.

На обложке: славянский христианско-языческий оберег-«змеевик». XIV век. Находка В. В. Опарина, Малая Пурга (Удмуртия), 1984 г.

Адрес учредителя: Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН.

426067, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. им. Татьяны Барамзиной, д. 34.

Тел.: (3412) 43-79-02, факс (3412) 50-79-59, e-mail: udnc@udman.ru

Адрес редакции: Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН.

426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4.

Тел.: (3412) 68-52-94, факс (3412) 68-39-94, e-mail: iknup@mail.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Издательство «Шелест»

426060, г. Ижевск, ул. Энгельса, 164.

Тел.: 7 (904) 317-76-93, 7 (963) 548-51-43, e-mail: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

Подписано в печать 04.12.2019. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Times. Тираж 300 экз. Заказ № 338.

© Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН, 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Бехтерева Людмила Николаевна – доктор исторических наук (Ижевск, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН)

Члены коллегии:

Арзамазов Алексей Андреевич – доктор филологических наук (Ижевск, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН)

Батлер Дженнифер – доктор философии (Корк, Ирландия, Департамент изучения религий, университетский колледж)

Воронцов Владимир Степанович – кандидат исторических наук (Ижевск, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН)

Касимов Рустам Нуруллович – кандидат исторических наук (Ижевск, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН)

Ковычева Елена Ивановна – доктор искусствоведения (Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Мельникова Ольга Михайловна – доктор исторических наук (Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Мосина Наталья Михайловна – доктор филологических наук (Саранск, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва)

Мягков Герман Пантелеймонович – доктор исторических наук (Казань, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова)

Поздеев Игорь Леонидович – кандидат исторических наук (Ижевск, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН)

Руденко Константин Александрович – доктор исторических наук (Казань, Казанский государственный институт культуры)

Садиков Ранус Рафикович – доктор исторических наук (Уфа, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН)

Созина Елена Константиновна – доктор филологических наук (Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН)

Трушкова Ирина Юрьевна – доктор исторических наук (Киров, Вятский государственный университет)

Тулуз Ева – доктор философии (Тарту, Эстония, Тартуский университет; Париж, Франция, Институт восточных языков и культур)

Черных Александр Васильевич – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Пермь, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН)

Ответственные редакторы:

Митюков Николай Витальевич – доктор технических наук (Ижевск, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН)

Черниенко Денис Аркадьевич – кандидат исторических наук (Ижевск, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	5
<i>Георгиев П. В.</i> В. И. Григорович о значении духовного образования в истории восточнославянских народов	5
<i>Халявин Н. В.</i> О вкладе Н. И. Костомарова в историографию Вятки	11
<i>Лахтионова Е. С.</i> Мир женских грехов и преступлений в крестьянской среде на Среднем Урале XIX – начала XX в.	15
<i>Киселев М. Ю.</i> К вопросу о феодализме у удмуртов: позиция Ф. П. Макарова	26
<i>Хакимов Р. Ш.</i> Политика репрессий в отношении мусульман Урала в период 1917–1941 гг.	32
ЭТНОЛОГИЯ. АРХЕОЛОГИЯ	39
<i>Голдина Р. Д.</i> Финно-пермский мир в евразийском пространстве (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.)	39
<i>Емельянова А. Ю.</i> Находки варганов из Нижнебогатырского I поселения	49
<i>Бахшиев И. И., Колонских А. Г.</i> Археологические исследования в зонах новостроек на территории южной части Уфимского полуострова (материалы 2007–2008 гг.)	55
<i>Тузбеков А. И.</i> Деятельность черных копателей в Башкирии: современное состояние, проблемы	64
<i>Тимошук А. С.</i> Генезис народов Урало-Поволжья и ведическая фолк-истори	68
<i>Касимов Р. Н.</i> К вопросу о специфике изучения отдельных аспектов исламской культуры в курсе ОРКСЭ и ОДНКНР (на примере Удмуртской Республики)	74
<i>Черниенко Д. А.</i> Этническая культура Удмуртии в региональном медийном и интернет-пространстве (на примере славянских народов)	80
ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	88
<i>Федченко О. Д.</i> Балтская гидронимия Камско-Вятского региона	88
<i>Туранов А. А.</i> К истории перевода христианских текстов на удмуртский язык в 1803 г.: перевод катехизиса	97
<i>Абдуллина Л. Б., Гайнуллина А. Р.</i> Медицинская лексика в башкирском, дари и персидском языках	103
<i>Ванюшев В. М., Степанова Т. С.</i> «Легенда о пчеле» в творческих исканиях Г. Е. Верещагина	109
<i>Арзамазов А. А.</i> Литературы народов России на рубеже XX–XXI столетий: «рельефы» развития	115
КУЛЬТУРА. ИСКУССТВО	121
<i>Куручкин М. В.</i> Творческое наследие архитектора Зои Николаевны Мироновой	121
<i>Шафигуллина Л. Р.</i> Межрегиональные и международные культурные связи Республики Татарстан в 1990–2010-е гг.	130
<i>Синцов А. Ю.</i> История развития памятникоохранительной деятельности в Татарстане (по материалам Государственного архива Республики Татарстан)	140

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО	147
<i>Габиббейли И. А.</i> Годы и произведения большой жизни	147
<i>Мир-Багирзаде С. А.</i> Формирование и развитие культурологии в Азербайджане	158
НАУЧНАЯ ХРОНИКА	165
<i>Бехтерева Л. Н., Камитова А. В., Титова О. В.</i> VI Всероссийская научная конференция финно-угроведов «Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы»	165

УДК 902:39(=511.1)''-1/0''(045)

Р. Д. Голдина

ФИННО-ПЕРМСКИЙ МИР В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (I ТЫС. ДО Н. Э. – I ТЫС. Н. Э.)

Финно-пермский мир – народы, говорящие на языках пермской ветви финно-угорской языковой семьи: удмурты, коми-пермяки и коми-зыряне. В рассматриваемый период они занимали огромную территорию Урало-Поволжья: от северного полярного круга на севере и до Самарской Луки на юге, от Уральского хребта на востоке и до устья реки Суры на западе. Пермские народы – древнейший этнос Приуралья. Географическое размещение пермских народов на границе материков Европы и Азии позволило им активно использовать достижения далеких и близких соседей при формировании собственной материальной и духовной культуры. Объект предлагаемого исследования – основные этапы контактов пермских народов с другими в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.

Ключевые слова: пермские народы, эпоха железа, межэтнические контакты, археология Урало-Поволжья.

Одними из наиболее древних этносов Приуралья являются финно-пермские народы – удмурты, коми-пермяки и коми-зыряне. Их истоки лежат в далеком прошлом.

Урал – рубеж материков – Европы и Азии. С обеих сторон к нему примыкают огромные равнины, покрытые густой речной сетью – главными транспортными артериями в древности. Продвигаясь по рекам Волге и Каме и встретив на своем пути преграду из гор, древнее население Восточной Европы оседало на территории Приуралья и вступало здесь в контакты с местными жителями. Представляется вполне закономерной полиэтничность этого края, ставшего родиной для многих современных народов: удмуртов, коми-пермяков, коми-зырян, манси, русских, татар, башкир и др.

Следует иметь в виду, что формирование особенностей этносов, населявших Приуралье, было невозможно без восприятия многих достижений общечеловеческого и мирового уровня. Вполне объяснимо, что важнейшие завоевания человечества были заимствованы древним населением Урало-Поволжья в результате контактов с другими, как

правило, более южными этническими группами, где эти явления возникли и усвоены значительно раньше. Таковы новые способы обработки камня, изготовление глиняной посуды, добыча и обработка металлов, производящие формы хозяйства – земледелие и скотоводство, использование тягловой силы, всадничество, новые формы военной и социальной организации и т.д.

Ярчайшим источником для изучения связей пермского мира с этносами Евразии являются предметы «дальнего импорта». Они демонстрируют одну из важнейших сторон развития древней экономики населения Предуралья и являются материальным свидетельством связей весьма отдаленного северного края с народами, живущими за многие тысячи километров, в экономически более развитых областях и оказавшими огромное воздействие на прогресс всех сторон жизни приуральского края. «Дальний импорт» оказался мощным инструментом экономической и культурной интеграции народов Прикамья в многообразную этнокультурную систему Евразии. Его появление явилось предпосылкой для создания реальных условий проникновения и развития культурного

воздействия в приуральскую среду народов как с юга, юго-запада, запада, так и с северо-запада и востока. Это по сути была ось юг–север, одним из центров которой волею исторических обстоятельств оказалось Приуралье. Сейчас мы в состоянии обозначить только общую канву этих процессов, разработка деталей – дело будущего. При этом не следует забывать, что «дальний импорт» демонстрирует не только воздействие иноэтничных образований на народы Прикамья, но и обратное влияние – народов Приуралья на отдаленные области. Если результат воздействия на социально-экономические процессы предсказать не так уж и сложно, хотя и это потребует немалых усилий, то не менее важными окажутся последствия в области идеологических представлений и духовной жизни финно-угорских народов Приуралья.

Из множества возможных вариантов поступления «далеких импортов» в результате взаимоотношений народов в древности и средневековье: межэтнические браки, дипломатические дары и другие, пожалуй, два имели особую значимость для развития общества – это торговые контакты и многоэтапные миграции. В предварительном плане можно обозначить как минимум четыре направления торговых контактов: южное и юго-западное, юго-восточное и восточное, а также северо-западное.

Первой культурно-исторической областью, единодушно связываемой исследователями с пермскими народами, является ананьинская (VIII–III вв. до н. э.). В это время пермский мир занимал огромную территорию: от северного полярного круга (бассейн реки Печоры) – на севере, включая бассейн реки Вычегды, а также бассейны рек Камы, Вятки, на западе – бассейн реки Ветлуги и нижнее течение реки Суры, на юге – Поволжье, включая Самарскую Луку, на юго-востоке – среднее и нижнее течение реки Белой, на востоке – Уральский хребет. В современном административном делении это Республики: Коми, Удмуртия, Башкортостан, Татарстан, Марий Эл, Чувашия, области – Кировская, Нижегородская, Костромская, Ульяновская, Самарская, Пермский край. Разумеется, в отдельные периоды степень заселенности этого ареала в силу многих причин была различной. Наибольшая плотность населения наблюдалась в среднем и нижнем Прикамье, на реках Белой, Вятке и в Поволжье.

На ананьинских памятниках обнаружено огромное количество бронзовых изделий: предметов вооружения, орудий труда, украшений. С. В. Кузьминых, один из ведущих исследователей древней бронзы на территории России, пишет: «Ананьинская культурно-историческая общность (АКИО) занимает особое место в ряду металлоносных культур I тыс. до н. э. на территории нашей страны. По обилию цветного металла и его роли в жизни общества с ней может сравниться только известная тагарская культура Южной Сибири. Лишь у этих двух евразийских феноменов бронзовая индустрия не только не угасает с наступлением раннего железного века, а достигает поры наивысшего расцвета [Кузьминых, 1983, с. 3]. С. В. Кузьминых, проанализировавший огромный массив изделий из цветного металла АКИО, отметил два этапа ананьинско-кавказских связей: 1) I–VIII и конец VII вв. до н. э.; 2) II – конец VII и VI вв. до н. э. [Кузьминых, 1983, с. 175–176]. В VIII – конце VII в. до н. э. кавказские импорты представлены кобанскими бронзовыми топорами, кинжалами, украшениями и другими предметами. Среди них преобладают северокавказские, но встречаются и закавказские вещи. С. В. Кузьминых убежден, что появление этих предметов в Прикамье – результат многоступенчатого внешнего товарного обмена.

Н. Л. Членова предполагала, что кавказские изделия попадали в Волго-Камье не столько в результате обмена, сколько появления здесь кавказских мастеров, принесших на север навыки изготовления биметаллических кинжалов, топоров, бронзовых поясов и т.д. [Членова, 1988, с. 3–5]. В это время основным путем контактов Урало-Поволжья с Кавказом была река Волга.

Связи с Кавказом явственно прослеживаются и по материалам древней железообработки. Монографическое обобщение источников этого типа, выполненное Н. Н. Тереховой, Л. С. Розановой, В. И. Завьяловым и И. И. Толмачевой [Терехова и др., 1997, с. 42–48, 298], убеждает в том, что истоки поволжско-камской черной металлообработки лежат в кавказском регионе, а точнее на Северном Кавказе. По мнению некоторых ученых, металлические изделия VII–VI вв. до н. э. Кавказа несут на себе и следы обратного воздействия финно-угорского населения Среднего Поволжья [Прокопенко, 1999, с. 14].

Ананьинский металлургический очаг в VIII–IV вв. до н. э. снабжал металлическими изделиями все Прикамье и прилегающее Поволжье. Ананьинские кельты встречаются в Западной Европе вплоть до Северной Швеции и Белого моря [Кузьминых, 1983, с. 91, 174]. При этом далеко на западе попадались и формы для отливки ананьинских кельтов, что говорит о проникновении сюда не только изделий, но и ананьинских мастеров.

Уровень развития ананьинского металлообрабатывающего ремесла (многочисленность изделий, их богатый ассортимент и стандартизация, широкое территориальное распространение продукции) свидетельствуют об изменении его характера – обособлении в самостоятельную экономическую отрасль производства и о существовании хорошо организованной торговли продукцией ремесла и металлом.

Под влиянием степного населения у ананьинцев появились новые, более совершенные виды наступательного вооружения: бронзовые и железные наконечники стрел, бронзовые короткие мечи-акинаки, защитные доспехи, новые способы управления конем. В значительной мере под воздействием степняков у ананьинцев сформировался своеобразный звериный стиль в оформлении костяных и бронзовых изделий, развивались и совершенствовались культы огня, солнца, коня [Смирнов, 1964, с. 271]. В VI–IV вв. до н. э. они имели тесные контакты с савроматами, саками, кочевниками Казахстана и Средней Азии. По мнению С. В. Кузьминых, характер связей ананьинцев и савроматов был более глубоким, чем обычный товарный обмен. Некоторые типы наконечников стрел, железных кинжалов и мечей, деталей конской сбруи, зеркал, изделий из звериного стиля появились у них через кочевников Южного Урала. Ананьинская металлургия подпитывалась оловом из рудного Алтая [Кузьминых, 1983, с. 178–179].

На рубеже V–IV вв. до н. э. вследствие прогресса в области производства железа в металлообработке произошел кардинальный скачок – бронза как основной материал была вытеснена из области изготовления орудий труда и оружия.

В конце III в. до н. э. ананьинская область разделилась на 2 – северную, гляденовскую, занимавшую территорию преимущественно Верхнего Прикамья, Средней и Верхней Вычегды и верховий Печоры, и южную, пьяноборскую –

Среднее и Нижнее Прикамье, низовья Белой и Вятку. Это разделение свидетельствовало о распаде общепермской основы на две части: древних коми и древних удмуртов. Первая представлена гляденовской культурой (пермское Прикамье) [Перескоков, 2018], пиджской и джуджыдыгской (Северное Приуралье) [Васкул, 1997, с. 349–399], вторая – тарасовской (чегандинской), худяковской и кара-абызской культурами [Голдина, 1999, с. 206–277]. Красноярский вариант (культура) (бассейн реки Барды и прилегающее Прикамье) – образование, переходное между пьяноборской и гляденовской территориями [Голдина, 1999, с. 246–254]. Эти культуры просуществовали до IV–V вв. н. э.

В начале нашей эры одним из главных каналов поступления импорта из Причерноморья был доно-волжский, о чем свидетельствуют клады медных римских кастрюль и чаши (Ахтиаль, Чеганда), бронзового ковша из Южной Галлии (Нырғында), находки римских провинциальных фибул, происходящих из мастерских Северного Причерноморья (Тарасово – 29 экз., Ново-Сасыкуль – 14 и др.), а также римских бронзовых монет III в. (Ижевск, Рождествено V, г. Болгар) [Кропоткин, 1984, с. 139–141].

Разумеется, исторические обстоятельства влияли на состояние торговых путей, их проходимость, интенсивность функционирования. Расцвет торговли причерноморскими товарами античного мира с северо-восточными и восточными соседями приходится на I – середину III в. н. э. Военные операции готов и алан в 40-х гг. III в. в Причерноморье прервали налаженные контакты. Однако материалы бус, которые были сделаны в одной технике (из трубочки) и поступали в Среднее Прикамье из Северного Причерноморья на протяжении I–V вв., с минимальным числом посредников, свидетельствуют, что перерыв этот не был длительным.

Политические события конца IV в. – вторжение гуннов в степную полосу Восточной Европы, приведшие к исчезновению сарматской культурной общности и перегруппировке этнических образований, вероятно, также повлияли на состояние и эффективность торговых путей и, прежде всего, доно-волжского. Последующие волны различных кочевников, зафиксированные как археологически, так и письменными источниками, разумеется, не способствовали развитию торговли, в особен-

ности на большие расстояния. Но, по-видимому, как только обстановка относительно стабилизировалась, наиболее предприимчивые торговые люди вновь пускались в длительные и опасные путешествия.

В первой половине I тыс. н. э. огромное значение для пермского мира имели юго-восточные связи со Средней Азией. Материальные свидетельства их сохранились в виде находок 2-х монет на Гляденовском костыше Кадфиза I (30 г. до н. э. – 10 г. н. э.), Хувишки (106–133 гг.) – правителей Кушанского царства, Санабара, царя Сакастана (I в. н. э.). В III в. в Прикамье, как и в степную полосу поступало престижное воинское снаряжение – клинки из тигельного железа, украшенные раковинами, халцедоновыми дисками, а также полуфабрикаты из черного и цветного металла (Тарасово, погребение 4, 782, Ново-Сасыкуль, погребение 260, Покровка).

В III–IV вв. в Среднее Прикамье поступило более 180 оригинальных предметов – дисков, выполненных из раковин турбинелла пирум в Индии, где известно несколько центров их производства [Ясаков, 2018]. Начиная с IV–III тыс. до н. э. изделия из этих раковин импортировались из Индии по всей Евразии. Они найдены в разное время в курганах предгорий Гималаев, Восточного Памира в I тыс. до н. э., у северных предгорий Киргизского хребта, на памятниках степной полосы первой половины I тыс. н. э. (Рис. 1). Наиболее компактное их размещение зафиксировано в Среднем Прикамье на 20 объектах. Самое мощное скопление – Тарасовский могильник в Удмуртии (71 экз.) – крупнейший (1880 могил) из финно-угорских памятников Евразии. Он относится к тарасовской (чегандинской) культуре пьяноборской культурно-исторической общности и охватывает интереснейшее время – финал раннего железного века и эпоху Великого переселения народов.

Кроме накладок в Среднем Прикамье присутствуют подвески и бусы из раковин. Бусы, скорее всего, были привозными и начали поступать во II в. н. э., а подвески сделаны местными мастерами из завезенных дисков. Прекращение поступления дисков связано, вероятно, с нашествием гуннов и временным разрывом торговых путей. Диски в разное время распространялись в Евразии из Индии благодаря действию Великого шелкового пути. В Среднее Прикамье они попали через

Среднюю Азию, Приаралье, реки Урал, Белую и правобережье Камы. Здесь они были использованы местными мастерами в соответствии с их эстетическими вкусами.

Очевидно, через Среднюю Азию пришли и китайские изделия этого времени: медные китайские монеты императоров династии Хань (209 г. до н. э. – 220 г. н. э.), а также императора Гуан Уди (25–57 гг. н. э.), найденные на Гляденовском костыше возле Перми. Свидетельство появления китайского импорта в Прикамье – оригинальные клинки-палашы, обнаруженные на памятниках андреевско-пьяноборского круга. По мнению А. П. Зыкова, они представляют собой древнейшие в Европе однолезвийные клинки, появившиеся здесь задолго до прихода гуннов [Зыков, 2011, с. 70–71]. Оригинальный импортный палаш рубежа эр обнаружен в погребении 7 могильника Чеганда II. Как считает А. П. Зыков, данный палаш, как и меч из погребения 26 этого же памятника были изделиями оружейников Ханьской империи Китая, или подражания им.

Одним из важных элементов взаимодействия пермского мира и далеких соседей были как ближние, так и дальние миграции. В эпоху Великого переселения народов при размахе передвижений населения и сопутствующих им грабежах, война стала серьезным фактором, способствующим обогащению определенных групп, расслоению общества, приведшим в последующем к образованию классов. Военные походы стимулировали развитие многих отраслей производства и, прежде всего, металлообработки и оружейного дела. Военные предприятия способствовали выделению предводителей – вождей. Появление мигрантов стимулировало разрушение кровнородственных связей, утверждение территориальных, формирование более сильных, централизованных общественных структур. В некоторых случаях мигранты выступали и как посредники в распространении среди финно-угров принесенных ими престижных предметов «дальнего импорта».

Значительно влияние на пермские народы готославянских мигрантов, появившихся в Прикамье тремя волнами: 1 – в середине III в., 2 – в третьей четверти IV в. (азелинско-суворовские памятники), а также в последней четверти IV в. (Тураевские курганы и именьковская культура).

Во второй половине I тыс. н. э. на изучаемой территории пермский мир представлен на севере

ванвиздинской культурой (коми-зыряне), в Верхнем Прикамье – ломоватовской, в бассейне реки Сылвы – неволинской (в верхнем течении реки Чепцы), ломовской культурами (коми-пермяки), южные пермяне – удмурты известны по памятникам еманаевской культуры (бассейн реки Вятки), верхнеутчанской (Камско-Вятское междуречье) и бахмутинской (низовья реки Белой).

В развитии населения этих культур огромную роль сыграли продолжающиеся контакты юго-восточного направления со Средней Азией. К настоящему времени известно о находках в Прикамье более 180 привозных серебряных сосудов V–IX вв. из 75 мест (преимущественно кладов). Среди импортной посуды чуть более 15 % составляет византийская, около 16 % – сасанидская, около 70 % – среднеазиатская. Кроме того, в неволинской культуре на 13 памятниках найдены 408 византийских, сасанидских и среднеазиатских монет, в ломоватовской культуре их 82 из 15 мест. Хорезмийский импорт представлен монетами из 11 пунктов и 7 серебряными сосудами. В Прикамье известны также 9 находок золотых и серебряных ажурных плетеных цепей, изготовленных на рубеже VI–VII вв. в византийских мастерских [Голдина и др., 2011, табл. 98–100].

Выразительно собрание кладов у д. Бартым Пермского края. Здесь в разное время в окрестностях поселка неволинской культуры найдены 3 византийских сосуда (в одном из них 272 серебряные византийские монеты), сасанидский сосуд, застежка от византийской цепи. Эти находки выпали во второй четверти VII в. в результате нападения на Бартымский поселок. На его площади были похоронены 60 жителей: 27 детей, 15 мужчин, 13 женщин, пол 5 не определен. Кроме того, в окрестностях этого поселка, возродившегося в VIII в., обнаружены 3 хорезмийских сосуда, которые выпали во время нападения на него в конце VIII или в начале IX в. [Голдина и др., 2011, табл. 98–100].

Долгое время считалось, что «дальний импорт» поступал в Прикамье преимущественно не ранее IX в. [Даркевич, 1976, с. 147–148]. Нам удалось доказать, что основная масса импортных изделий появилась в Прикамье в V–IX вв. [Голдина, Голдина, 2010, с. 176–177].

Можно считать установленным, что исходным районом восточного импорта была Средняя Азия. Об этом свидетельствуют согдийские надписи на

византийском блюде (Бартым, находка 1925 г.) и на другой сасанидской и византийской посуде. Численно преобладают самаркандские надписи. Столь же отчетливо прослеживается бухарский след (бухархудатские монеты, бухарская надпись на византийском сосуде из Бартыма). В поступлении хорезмийского импорта можно выделить три этапа: I – вторая четверть VII в., II – начало VIII в., III – середина и вторая половина VIII в.

Изделия дальнего импорта поступали в Прикамье по северному ответвлению Великого шелкового пути из Средней Азии: Согда, Бухары, Хорезма, через низовья Сырдарьи (джетыасарская культура – I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.) по рекам Уралу, Белой, на реку Каму, а также по рекам Уфе, Сарсу, Ирени на реку Сылву и далее на Каму [Голдина, Голдина, 2010, с. 194].

Дальний импорт юго-восточного направления сыграл огромную роль в социально-экономическом ускорении развития Прикамья. Престижные ценности из дальних областей шли мощным потоком в V и особенно в VI–VII вв., и включение прикамского населения в крупномасштабную международную торговлю послужило серьезным источником обогащения знати и создало условия для социальной стратификации общества. Знать накапливала престижные ценности. Для поддержания торговли на должном уровне требовался бо́льший прибавочный продукт, чем было необходимо для удовлетворения собственных нужд. Возникли более сложные потестарные структуры – общинная знать, усилилась роль вождей. В качестве эквивалента при торговле использовалась пушнина, местные изделия из металла, мед, воск и соль. Главное, в результате постоянной, хорошо налаженной торговли с югом совершенствовались опыт, навыки, умения ее организации и развивалась инициатива в этой области у пермских народов.

Качественно иной характер имели северо-западные связи населения пермского мира. Бесспорным материальным свидетельством контактов пермян с Прибалтикой во второй половине I тыс. н. э. являются находки поясов неволинского типа. К настоящему времени в Приуралье известно более 80 целых таких поясов и множество отдельных деталей. Для изготовления их потребовалось более 8000 металлических деталей. Судя по многочисленности поясов, разнообразию их вариантов, эти предметы изготовлены в Сылвенском поречье

(неволинская культура). Значительное скопление поясов неволинского типа обнаружено на финском побережье Балтийского моря, а также в королевском кургане в Уппсале в Швеции [Мейнард, 1979; Callmer, 1989, р. 22]. Время использования этих изделий как в Прибалтике, так и в Прикамье – конец VII – VIII вв. Кроме поясов, вероятно, по этому пути в Фенноскандию поступали и некоторые типы восточных бус.

Вопрос о том, кто привозил в Фенноскандию приуральские пояса, обсуждается давно. К. Мейнандер и Й. Каллмер считали, что исполнителями этих далеких путешествий были, вероятно, не финны, а восточные торговцы из Приуралья. М. М. Казанский также подтверждает, что археологически фиксируется движение древностей с востока на запад, а не наоборот. Прибалтийско-финские вещи появляются в Приуралье не ранее IX–X вв. Исследователь сомневается в том, что у приуральских финнов существовали профессиональные торговцы [Казанский, 2010, с. 58]. Однако современное состояние знаний об археологии пермских финнов позволяет утверждать, что в Прикамье сложились реальные условия для развития торговли и появления торговых людей.

Путь, по которому пермяне путешествовали в Прибалтику, косвенно обозначен находками в низовьях рек Оки и Мокши. Вероятно, движение шло по Каме, Волге, Шексне, побережью Белого озера, Свири, достигая Онежского и Ладожского озера, а затем Финского залива (Рис. 2). В последние годы движение именно по этому пути подтвердилось находками деталей неволинских поясов в Молого-Шекснинском междуречье, где обнаружены более 80 деталей не менее чем от 5 неволинских поясов, а также прикамские украшения, что позволило А. В. Кудряшову предположить, что здесь присутствовали и носители неволинской материальной культуры – пермяне, осуществлявшие торговые операции между Прикамьем и Прибалтикой [Кудряшов, 2008, с. 240–242].

Активным посредником в поисках и продаже скандинавам мехов выступали финны, обитавшие на западном побережье Финского залива. Не

случайно именно здесь сосредоточено так много пунктов с находками поясов неволинского типа. Вероятно, близкие по культуре и языку прибалтийским пермские финны поставляли в Прибалтику не только пушнину, соль, восточные типы бус, но и «высокотехнологичные» для того времени изделия своего производства – пояса.

Скорее всего, именно пермские финны в VII–VIII вв. освоили Волго-Балтийский торговый путь, который в конце VIII–IX вв. превратился в полноводную трансевропейскую магистраль, снабжавшую Скандинавию восточным серебром.

На рубеже VII–VIII вв. в Среднем Поволжье появились болгары. Они заняли территорию именьковцев и проводили активную завоевательную политику по отношению к северным пермским народам. В результате неволинская культура Сылвенско-Иренского поречья была уничтожена. Часть жителей переместилась в более северные районы (ломоватовская культура), другая, более значительная, была уведена в полон на территорию Волжской Болгарии.

В VI–VII вв. на левобережье реки Белой и прилегающем правобережье реки Камы расселились угорские племена кушнаренковского типа. В середине VIII в. значительная часть их ушла в степи Причерноморья (Леведия, Ателькуза), а затем в Паннонию, где и проживают их потомки – современные венгры. Оставшиеся группы вошли в состав формирующейся Волжской Болгарии.

Итак, в силу географических и исторических обстоятельств пермские народы осуществляли многосторонние контакты с народами, обитавшими на огромных просторах Евразии. Обменные и торговые операции его населения в эпоху железа имели большое значение для экономической и культурной интеграции пермских народов в многообразную этнокультурную систему региона. Если в развитии юго-западного, южного, юго-восточного и восточного направлений контактов инициатива принадлежала, главным образом, инородным торговцам, то северо-западные связи успешно развивались благодаря предприимчивости пермян.

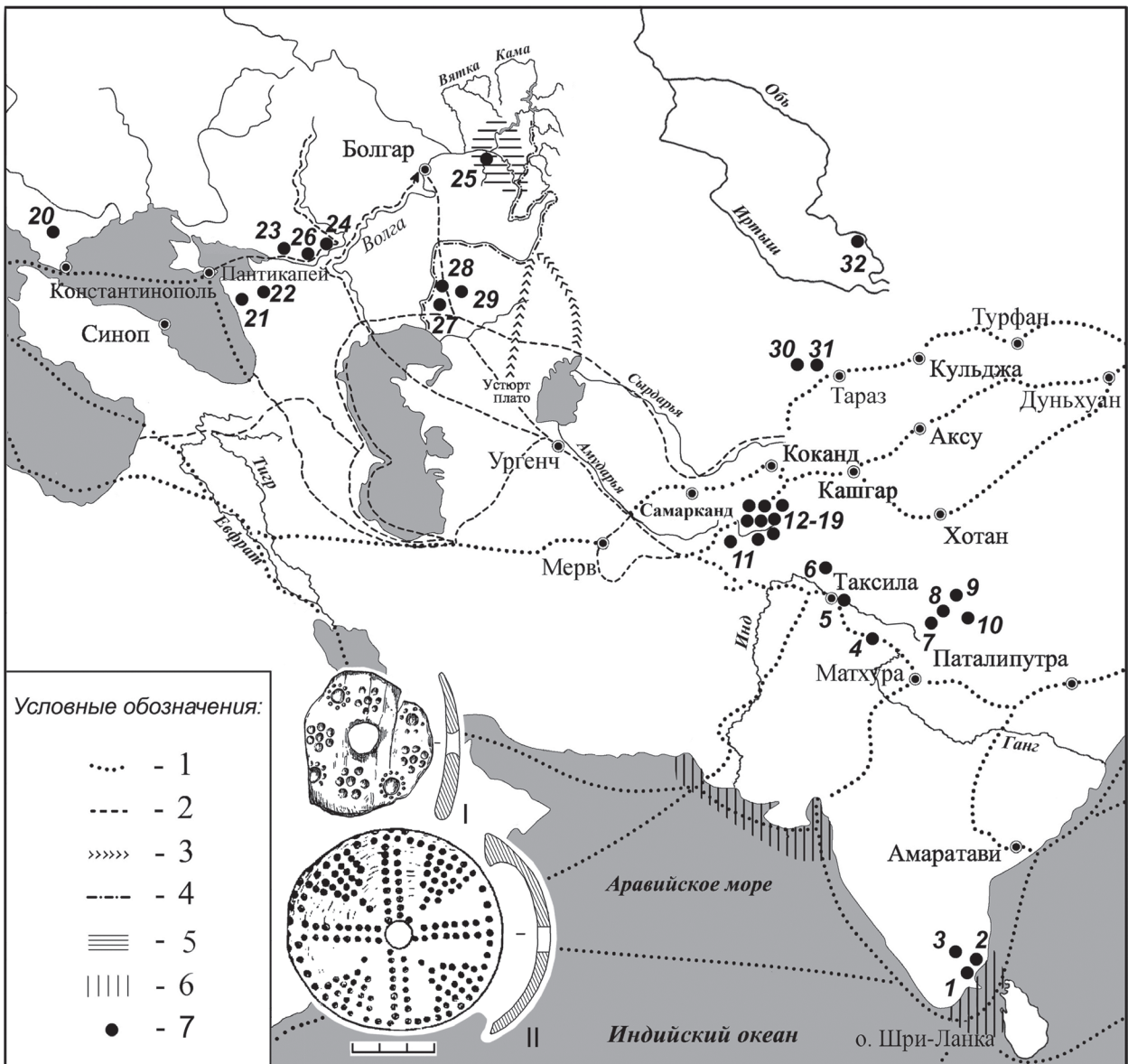

Рис. 1. Великий шелковый путь.

Главные пути сообщения: 1 – по Л. А. Мамлеевой [1999] и др. (III тыс. до н. э. – IX в. н. э.); 2 – по В. П. Даркевичу [1976, табл. 50] (VI–X вв. н. э.); 3 – по А. Д. Таирову [2000, с. 199] (IV–II вв. до н. э.); 4 – по Р. Д. Голдиной (I–IX вв. н. э.); 5 – ареал распространения памятников III–IV вв. н. э. на Средней Каме с находками изделий из раковин (180 экз.) (I – Тарасово, погр. 4; II – Ижевск); 6 – промысловые зоны моллюсков вида турбинелла пирум; 7 – памятники с находками предметов из раковин моллюсков турбинелла пирум. Индия (X в. до н. э. – IX в. н. э.), могильники: 1 – Перумбаир; 2 – Санур; 3 – Одугаттур; производственные центры: 4 – Харappa; 5 – Таксила; 6 – Барикот; могильники: 7 – Липпа; 8 – Роба; 9 – Гиу; 10 – Малари. Восточный Памир (X–II вв. до н. э.): 11 – городище Ай-Ханум; могильники: 12 – Кзыл-Рабат; 13 – Шаймак; 14 – Жарты-Гумбез I; 15 – Андемин; 16 – Андемин I; 17 – Харгуш II; 18 – Тегермансу I; 19 – Можуташ II. Восточная Европа (конец I – начало II в. н. э.): 20 – Болгария, Рошава Драгана; Прикубанье: 21 – Цемдолинский; 22 – Золотое кладбище (Усть-Лабинская, к. 31); Придонье: 23 – Кобяковский; 24 – Первомайский VII; Прикамье: 25 – Ново-Сасыкуль погр. 260. Восточная Европа (III в. н. э.): Придонье: 25 – Камышевский; Южный Урал: 27 – Лебедевка VI; 28 – Красный Яр; 29 – Покровка 10. Южный Казахстан (III–V вв. н. э.): 30 – Кзыл-Кайнар-Тобе; 31 – Кызыл-Кайнар; Алтай: 32 – Ераска

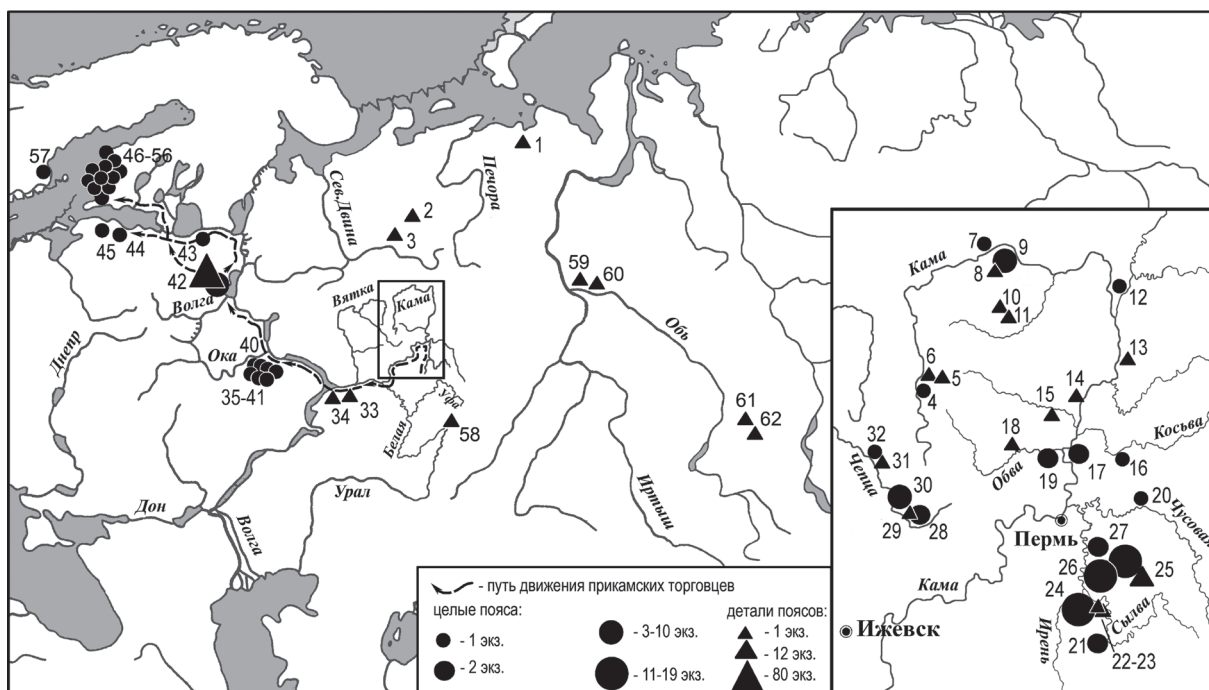

Рис. 2. Схема распространения поясов неволинского типа:

- 1 – Хэйбидя-Пэдар; 2 – Усогорск; 3 – Тохта; 4 – Аверино; 5 – Носково; 6 – Русиново; 7 – Плес; 8 – Михалево; 9 – Агафоново; 10 – Урья; 11 – Б. Коча; 12 – Редикор; 13 – Запоселье; 14 – Степаново плотбище; 15 – Загарье; 16 – Баяново; 17 – Висим; 18 – Рождественское; 19 – Деменки; 20 – Телячий брод; 21 – Усть-Иргино; 22 – Морозково IV; 23 – Усть-Кишерть; 24 – Неволино; 25 – Верх-Сая; 26 – Броды; 27 – Горбунята; 28 – Варни; 29 – Тольён; 30 – Полом; 31 – Весьякар; 32 – Чем-шай; 33 – Танкеевка; 34 – Татарстан; 35 – Ст. Бадиково II; 36 – Журавкино; 37 – Шокша; 38 – Моршанск; 39 – Чулково; 40 – Муром; 41 – Хотимль; 42 – Черный ручей; 43 – Победище; 44 – Ojaveski; 45 – Proosa; 46-56 – Kaavontönnkä, Pitkäsmäki, Ylipää, Mynännummi, Kirmukarmu, Pappilanmäki и др.; 57 – Uppsala; 58 – Байрамгулово; 59 – Барсов городок I; 60 – Сайгатино; 61 – Архиерейская заимка; 62 – Могильницкий

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Vaskul, 1997 – Vaskul I. O. Glyadenovskaya kul'tura // Arheologiya Respubliki Komi. M., 1997. S. 349–399.

Голдина, Голдина, 2010 – Голдина Е. В., Голдина Р. Д. «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н. э. – IX в. н. э.) // Голдина Е. В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.). Ижевск: УдГУ, 2010. С. 156–260.

Голдина, 1999 – Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский ун-т, 1999.

Голдина и др., 2011 – Голдина Р. Д., Пастушенко И. Ю., Черных Е. М. Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском по-

REFERENCES

Vaskul, 1997 – Vaskul I. O. Glyadenovskaya kul'tura // Arheologiya Respubliki Komi. M., 1997. S. 349–399. (in Russian)

Goldina, Goldina, 2010 – Goldina E. V., Goldina R. D. «Dal'nij import» Prikam'ya – svoeobraznoe proyavlenie processov vzaimodejstviya narodov Evrazii (VIII v. do n. e. – IX v. n. e.) // Goldina E. V. Busy mogil'nikov nevolinskoj kul'tury (konec IV–IX vv.). Izhevsk: UdGU, 2010. S. 156–260. (in Russian)

Goldina, 1999 – Goldina R. D. Drevnyaya i srednevekovaya istoriya udmurtskogo naroda. Izhevsk: Udmurtskij un-t, 1999.

Goldina i dr., 2011 – Goldina R. D., Pastushenko I. Yu., Chernyh E. M. Bartymskij kompleks pamyatnikov epohi srednevekov'ya v Sylvenskom porech'e. Ma-

речь. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 13. Ижевск; Пермь, 2011.

Даркевич, 1976 – Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII–XII вв. М.: Наука, 1976.

Зыков, 2011 – Зыков А. П. Об этнокультурной ситуации в Среднем Прикамье в эпоху Великого переселения народов // Уфимский археологический вестник. 2011. Вып. 11. С. 66–80.

Казанский, 2010 – Казанский М. М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Stratum Plus. 2010. № 4. С. 17–127.

Кропоткин, 1984 – Кропоткин В. В. О некоторых находках римских монет в Среднем Поволжье и Прикамье // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 137–141.

Кудряшов, 2008 – Кудряшов А. В. Неволинские древности в бассейне р. Шексны // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: Ин-т археологии РАН, 2008. С. 240–242.

Кузьминых, 1983 – Кузьминых С. В. Metallургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983.

Мейнандер, 1979 – Мейнандер К. Ф. Биармы // Финно-угры и славяне. Ленинград: Наука, 1979. С. 35–40.

Перескоков, 2018 – Перескоков М. Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: Perm University Press, 2018.

Прокопенко, 1999 – Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей IV в. до н. э. – XI в. н. э. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 1999.

Смирнов, 1964 – Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура савроматов. М.: Наука, 1964.

Терехова и др., 1997 – Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Metallургия, 1997.

Членова, 1988 – Членова Н. Л. О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, Новомордовских стелах и «отделившихся скифах» // Краткие сообщения Института археологии. 1988. Вып. 194. С. 3–11.

Ясаков, 2018 – Ясаков В. С. Трансконтинентальные связи Приуралья в III–IV вв. н. э. (на примере накладок из створок раковин *Turbinella Pyrum*) // L Урало-Поволжская археологическая конф. студентов и молодых ученых (УПАСК, 1–4 февраля 2018 г.,

terialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoj arheologicheskoj ekspedicii. T. 13. Izhevsk; Perm', 2011. (in Russian)

Darkevich, 1976 – Darkevich V. P. Hudozhestvennyj metall Vostoka VIII–XII vv. M.: Nauka, 1976. (in Russian)

Zykov, 2011 – Zykov A. P. Ob etnokul'turnoj situacii v Srednem Prikam'e v epohu Velikogo pereseleniya narodov // Ufimskij arheologicheskij vestnik. 2011. Vyp. 11. S. 66–80. (in Russian)

Kazanskij, 2010 – Kazanskij M. M. Skandinavskaya mekhovaya torgovlya i «Vostochnyj put'» v epohu pereseleniya narodov // Stratum Plus. 2010. № 4. S. 17–127. (in Russian)

Kropotkin, 1984 – Kropotkin V. V. O nekotoryh nahodkah rimskih monet v Srednem Povolzh'e i Prikam'e // Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya. M.: Nauka, 1984. S. 137–141. (in Russian)

Kudryashov, 2008 – Kudryashov A. V. Nevolinskie drevnosti v bassejne r. SHEksny // Trudy II (XVIII) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Suzdale. T. II. M.: In-t arheologii RAN, 2008. S. 240–242. (in Russian)

Kuz'minyh, 1983 – Kuz'minyh S. V. Metallurgiya Volgo-Kam'ya v rannem zheleznom veke (med' i bronza). M.: Nauka, 1983. (in Russian)

Mejnander, 1979 – Mejnander K. F. Biarmy // Finnouugry i slavyane. Leningrad: Nauka, 1979. S. 35–40. (in Russian)

Pereskocov, 2018 – Pereskocov M. L. Permskoe Priural'e v finale rannego zhelezного века. Perm': Perm University Press, 2018. (in Russian)

Prokopenko, 1999 – Prokopenko YU.A. Istoriya severokavkazskih torgovyh putej IV v. do n. e. – XI v. n. e. Stavropol': Izd-vo Stavropol'skogo gos. un-ta, 1999. (in Russian)

Smirnov, 1964 – Smirnov K. F. Savromaty. Rannaya istoriya i kul'tura savromatov. M.: Nauka, 1964. (in Russian)

Terekhova i dr., 1997 – Terekhova N. N., Rozanova L. S., Zav'yalov V. I., Tolmacheva M. M. Ocherki po istorii drevnej zhelezoobrabotki v Vostochnoj Evrope. M.: Metallurgiya, 1997. (in Russian)

Chlenova, 1988 – Chlenova N. L. O kul'turnoj prinadlezhnosti Starshego Ahmylovskogo mogil'nika, Novomordovskih stelah i «otdelivshihysya skifah» // Kраткие soobshcheniya Instituta arheologii. 1988. Vyp. 194. S. 3–11. (in Russian)

Yasakov, 2018 – Yasakov V. S. Transkontinental'nye svyazi Priural'ya v III–IV vv. n. e. (na primere nakladok iz stvorok rakovin *Turbinella Pyrum*) // L Урало-По-

Самара): материалы Всерос. (с междунар. участием) конф. Самара: Самарский ун-т, 2018. С. 275–278.

Callmer, 1989 – Callmer J. The beginning of the Easteuropean trade connections of Scandinavia and the Baltic Region in the 8 and 9 centuries A.D. // International Conference on early Middle Ages. Szeksard, 1989. P. 19–51.

volzhskaya arheologicheskaya konf. studentov i molodyh uchenyh (UPASK, 1–4 fevralya 2018 g., Samara): materialy Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) konf. Samara: Samarskij un-t, 2018. S. 275–278. (in Russian)

R. D. Goldina

THE FINNO-PERMIAN WORLD IN THE EURASIAN SPACE (I THOUSAND BC – I THOUSAND AD)

Finno-Permian world represents the peoples speaking the languages of the Perm branch of the Finno-Ugric language family: Udmurts, Komi-Permians and Komi-Zyryans. During the considered period they occupied a huge territory of the Ural-Volga region: from the Arctic circle in the North and to the Samara Luka in the South, from the Ural ridge in the East and to the mouth of the Sura river in the West. Perm peoples compose an ancient ethnic group of the Cis-Ural. The Permian peoples' geographical location on the border of the continents of Europe and Asia allowed them to use the achievements of their distant and close neighbors during the formation of their own material and spiritual culture. The object of the research is the main stages of contacts of the Permian peoples with others during the period I thousand BC to I thousand AD.

Keywords: Permian peoples, iron age, interethnic contacts, archaeology of the Ural-Volga region.

Голдина Римма Дмитриевна,
доктор исторических наук, профессор,
Удмуртский государственный университет
(Ижевск, Россия)
arch@uni.udm.ru

Goldina Rimma Dmitrievna,
Doctor of Sciences (History), Professor,
Udmurt State University
(Izhevsk, Russia)
arch@uni.udm.ru